Салимова Лейла Камиль гызы,
доктор философии по праву, докторант кафедры международного права
Бакинского государственного университета
E-mail: lleylasalimova1@gmail.com

UOT 341.01
DOI: https://doi.org/10.30546/2218-9130.008.382.2026.126

К ВОПРОСУ О ПЕРЕЧНЕ ЗАЩИЩАЕМЫХ КОНВЕНЦИЕЙ О ГЕНОЦИДЕ 1948 ГОДА ГРУПП

Açar sözlər: *konvensiya, soyqırım, cinayət, cəza, qurban, qorunan qruplar, beynəlxalq tribunal.*

Ключевые слова*: конвенция, геноцид, преступление, наказание, жертва, защищаемые группы, международный трибунал.*

Keywords*: convention, genocide, crime, punishment, victim, protected groups, international tribunal.*

Конвенция «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него» от 9 декабря 1948 года, являясь важнейшим международным актом борьбы с «преступлением преступлений», дает определение деяний, охватываемым данным преступлением**,** а ценка отдельных компонентов определения геноцида осуществляется со стороны международных судов и трибуналов. Практика этих судов и трибуналов, и ряда национальных судов предоставляет более подробную информацию о параметрах определения преступления геноцида.

В целом, общее определение преступления геноцида, данное в статье II Конвенции о геноциде 1948 года, за прошедшее десятилетия доказало свою состоятельность. Несмотря на предложения и ожесточенные дебаты относительно расширения перечня защищаемых групп посредством включения в данный список политических, социальных и др. групп, международная общественность проявила единодушие относительно сохранения в неизменном виде первоначальной трактовки геноцида. Даже тогда, когда под давлением определенных политических сил появилась реальная возможность изменить первоначальный вариант концепции геноцида на Римской конференции в 1998 году, не были внесены соответствующие поправки и первоначальное определение преступления геноцида не было пересмотрено.

Принятое в 1948 году определение преступления геноцида было не политико-правовым компромиссом, а последовательной установкой определить конкретное явление нарушения прав человека, угрозу существованию той общности, что сейчас называют «этническая группа», и которую составители проекта указаннной Конвенции по сути задумали как «национальное меньшинство». Кроме того, правовые разработки, проведенные в последние десятилетия в рамках ООН, свидетельствуют, что первоначальное определение

преступления геноцида вряд ли изменится в обозримом будущем.

В этом аспекте попытки расширить содержание данного преступления посредством увеличения списка защищенных групп или рассмотрения в качестве геноцида деяний, не дотягивающих до массового физического истребления, таких, как «этническая чистка», требует их аргументированного опровержения. Объясняется это также тем, что за истекшие десятилетия международные суды и другие инстанции приняли как руководство классическую интерпретацию преступления геноцида по Конвенции 1948 года.

Необходимость проведения всесторонних научных исследований относительно жертв тяжких международных преступлений непосредственно вытекает и из положений Шушинской декларации о союзнических отношениях между Азербайджанской Республикой и Турецкой Республикой от 15 июня 2021 года, в котором Стороны подчеркнули необоснованность притязаний Армении против Турции, осудили попытки искажения истории и политизации исторических фактов, наносящих ущерб миру и стабильности в регионе, решительно поддержали усилия Турции, открывшей свои архивы в связи с событиями 1915 года, и меры, направленные на открытие архивов в Армении и других странах, а также проведение крупных научных исследований в этой сфере.

Все это лишний раз подтверждает необходимость научного опровержения субъективных интерпретаций, идущих в разрез с устоявшимися положениями Конвенции 1948 года, пресечению попыток ревизии четких международно-правовых предписаний относительно субъектов и жертв геноцида.

При указании круга групп, за уничтожение которых наступает ответственность за совершение геноцида, в первую очередь, следует отметить, что в научной среде есть не только стронники их расширения, но и ярые противники этого, отмечающие необходимость сужения круга защищаемых Конвенцией 1948 года групп. Так, Н.С.Кошкин отмечает, что в современном мире назрела необходимость для сокращения перечня групп, подлежащих уголовно-правовой охране от геноцида, путем исключения из такого перечня религиозных групп [1, с.209].

А некоторые ученые вообще предлагают модифицировать изучение геноцида путем расширения объекта соответствующих исследований и рассмотрения в качестве геноцида реализацию масштабного и систематического плана, направленного на уничтожение части человеческой группы. Так, по мнению Дэвида Лиссона, «Конвенция о геноциде должна защищать группы, обладающие правом на самоопределение, и они должны быть защищены от уничтожения» [2, с.1461]. В соответствии с его аргументацией, деяния против политических групп должны быть включены в определение геноцида, поскольку, в соответствии со ст. 1 Конвенции о геноциде 1948 года, «причинение серьезного телесного или психического вреда членам группы представляет собой геноцид» [2, с.1462].

В известной книге Р.Лемкина 1944 года, в которой был введен в оборот сам термин «геноцид», отмечалось, что под геноцидом подразумевается уничтожение нации или этнической группы и он призвал к разработке положений, защищающих меньшинства по причине их расовой, национальной, этнической или религиозной принадлежности.

Труды Р.Лемкина указывают на то, что он задумал искоренение геноцида в контексте защиты того, что тогда называлось «национальным меньшинства». Использование таких терминов, как «этнический», «расовый» или «религиозный», лишь конкретизирова-

ло идею, нисколько не меняя ее основного содержания. При разработке Конвенции о геноциде 1948г. некоторые видели это преступление по-другому и надеялись включить в объект защищаемой им различные группы.

Следует также остановиться на противоречивости законодательной практики отдельных стран, которые в угоду определенным политическим целям и следования политике радикального либерализма по защите «групп людей с различным мировоззрением, политическими убеждениями и др.» слишком расширили перечень потерпевших лиц от геноцида. Данная практика осуществляется путем привнесения в список жертв геноцида не только лиц тех групп, которые четко определены в Конвенции 1948 года, но представителей групп и по другим признакам (социальным, политическим и др.). Полагаем, что такая практика является ущербной, так как приводит к искажению содержания общепринятых положений, противоречит устоявшимся в международном праве постулату относительно групп (объектов) геноцида, создает условия для применения двойных стандартов в виде «выборочного преследования», неоправданно расширяет круг потенциальных жертв данного преступления – людей определенных убеждений.

Данная тенденция, к сожалению, была воспринята в параграфе 118 Уголовного Кодекса Польши от 6 июня 1997 года, которая дополнила традиционные группы жертв геноцида «группами с определенным мировоззрением» [3]. Аналогичный подход нашел свое отражение и в ст.127 Уголовного Кодекса Белорусии от 9 июля 1999 года, где геноцид определяется, как «действия, совершаемые с целью планомерного уничтожения полностью или частично какой-либо расовой, национальной, этнической, религиозной группы или группы, определенной на основе любого другого произвольного критерия (курсив наш – Л.С)» [4].

Ст.71 Уголовного Кодекса Латвии от 17 июня 1998 года определяет геноцид, как «умышленные действия с целью полного или частичного уничтожения какой-либо группы лиц, определяемой как таковая по национальности, этническому происхождению, расе или определенной религии» [5].

Статья 407 (геноцид) Уголовного Кодекса Грузии от 22 июля 1999 года также чрезмерно широко определяет перечень защищаемой группы и определяет геноцид как полное или частичное уничтожение «расовой, этнической, национальной, религиозной, либо объединенной по какому-либо иному признаку группы» [6].

Как видно, национальное уголовное законодательство ряда стран, в отличие от Конвенции о геноциде 1948 года, расширяет перечень жертв геноцида за счет включения в этот перечень «иных социальных групп». Все это обуславливает необходимость рассмотрения самого понятия социальная группа, которое имеет различные определения в доктрине. Так, А.И.Кравченко указывает, что социальная группа – «это любая совокупность людей, выделенных по социально значимым критериям. Таковыми являются пол, возраст, национальность, раса, профессия, место жительство, доход, власть, образование и некоторые другие» [7, с.181].

С учетом того обстоятельства, что «на рубеже XX-XXI вв. социальные отношения претерпели глубокие трансформации, изменился и научный смысл понятия «социальная группа», которое трактуется теперь значительно шире, по сравнению с предыдущими историческими периодами» [8, с.50-51]. Все это является убедительным свидетельство недопустимости расширения в рамках уголовного законодательства отдельных стран

перечня защищаемых групп от преступления геноцида за счет «иных социальных групп», так как может привести к утверждению практики осуждения отдельных лиц на основе личностных субъективных пристрастий. В этой связи нельзя не согласиться с мнением А.А.Кунашева о том, о сложности разграничения «двух родовых мотивов: идеологической ненависти и ненависти к какой-либо социальной группе» [9, с.284].

В этой связи является уместным дача всесторонней правовой характеристики тех четырех групп, защита которых охватывается Конвенцией о геноциде 1948 года. Так, в современной науке раса (от английского «race» и итальянского «razza» – род, порода, племя) рассматривается как «исторически сложившаяся группа людей, характеризующаяся общностью наследственных физических особенностей: цвет кожи, глаз и волос, разрез глаз, строение век, очертания головы и т.п.» [10, с.3]. Как видно, при характеристике данной социальной общности основным критерием разграничения является биологический фактор. Кощунство массовых убийств людей лишь из-за их расовой принадлежности продемонстрировала нацисткая Германия, где идеология расового превосходства стала основанием уничтожения миллионов безвинных людей, которых рассматривали как «неполноценные» [11, с.76].

Международный Трибунал по Руанде в деле Акаесу определил, что «традиционное определение расовой группы основано на наследственных физических чертах, часто отождествляемых с географическим регионом, независимо от языковых, культурных, национальных или религиозных факторов» [12]. Однако такое определение расовой группы по делу Акаесу впоследствии подверглось критике за толкование расы, основанное лишь на физических и биологических критериях, вместо того, чтобы учитывать социальный и исторический контекст группы [13, с.33].

Что касается содержания этнической группы, то К.А.Габибова определяет этническую группу как общность людей, имеющих «общее историческое прошлое с похожими наследственными и культурными особенностями» [10, с. 55].

Схожую позицию занмает А.А.Дайнеко, отмечающий, что представители этнической группы отличаются от иных культурными традициями и своим наследием [14, с.153]. Макс Вебер использовал термин «этническая группа» для обозначения тех человеческих коллективов, которые «придерживаются субъективной веры в свое общее происхождение из-за сходства физического типа или обычаев, или того и другого, или из-за воспоминаний о колонизации или миграции» [15, с.389].

В решении Международного трибунала по Руанде по делу Акаесу, этническая группа была определена как «группа, члены которой имеют общий язык или культуру» [12]. Этнические группы состоят из людей, которые считают себя похожими друг на друга в силу общего происхождения, реального или приписываемого, и которые таковыми считаются другими. В то время как этническая принадлежность во многом зависит от самоидентификации ее членов, доминирующие группы могут также присваивать принижающие этнические ярлыки другим группам с целью лишить их возможности участвовать в общности [16, с.39].

Следующей защищаемой Конвенцией 1948 года общностью является национальная группа. Национальная группа (от латинского «natio» – «племя, народ») – «это небольшая часть (очень редко весьма значительная по численности) какой-либо некоренной для данной страны (региона) нации или народ-

ности» [17]. Ю.Д.Гранин указывает, что «нет ни одного характерного признака, по которому можно было бы точно различать этносы и нации... не срабатывает и широко представленная в западных исследованиях апелляция к «особому менталитету», «национальному характеру» – как и другие, она не позволяет провести четких границ ни между этносами, ни между нациями, ни тем более между нациями и этносами» [18, с.51]. Исторически нация просто означала группу людей. Только в наше время она стала ассоциироваться с национальным государством [19, с.17]. Например, Испанский национальный суд постановил, что национальная группа не ограничивается коллективом, образованным людьми, принадлежащими к одной и той же нации, но вместо этого является национальной человеческой группой, состоящей из большего сообщества людей [20, с.693].

Международный трибунал по Руанде в деле Акаесу определил национальную группу несколько узко лишь с указанием общности их гражданства [12]. Полагаем, что национальная группа - это исторически сложившаяся общность людей, обладающих общими внешними и внутренними особенностями (язык, культура, традиции, историческая память и чувство солидарности).

Наконец, четвертой защищаемой Конвенцией 1948 года группой является религиозая группа. В соответствии с определением, данным в Юридическом словаре А.Я.Сухарева «религиозная группа – одна из разновидностей религиозного объединения, представляющая собой добровольное объединение граждан создаваемого для совместного исповедания и распространения веры» [21, с.641].

В контексте точного определения защищаемых Конвенцией 1948 года групп, считаем необходимым также подробно рассмотреть подрывную деятельность военно-политических армянских групп в период первой мировой войны на территории Османского государства, приведших к вынужденному переселению армян Восточной Анатолии.

Известно, что часть армян, живших на территории Османской империи, не хотели обострения турецко-армянских отношений. В одной из публикаций в газете «Оризон», именуемой письмо из Стамбула, отмечалось, что «клеветники всячески пытаются обострить наши отношения армян с турками. Они везде видят какие-то столкновения или бедность, с которой сталкиваются армяне. Однако мы понимаем, что любое такое сепаратистское движение не только бесцельно, но и абсурдно. Политика нас уже давно раздражает. Убедительно просим вас не печатать критические статьи против Турции. Это подрывает и обостряет наши отношения»[22].

Тем не менее с поддержки радикальных политических групп армян со стороны западных держав, а также царской России началась армянские вооруженные выступления в Восточной Анатолии, которые закончились катастрофой для всех подданых Османской имерии. После того, как российские армяне перенесли свою националистическую идеологию в Восточную Анатолию, армянское восстание стало реальной угрозой для Османского государства, а две партии националистов придали армянскому сепаратизму политически организованный характер и возглавили армянское восстание. Первая из них (Гнчакская революционная партия) была основана в Женеве (Швейцария) в 1887 году армянами из России. Вторая же политическая партия (Армянская революционная федерация), печально известная как дашнакская, была основана в Российской империи, в Тифлисе, в 1890 году. Манифесты обоих партий призывали к вооруженному мятежу в Османской империи. Терроризм, в том числе

убийство как османских чиновников, так и армян, выступавших против них, стал частью их партийной платформы. Несмотря на то, что обе группы были марксистами, они сделали национализм важнейшей частью своей деятельности. В этом они были очень похожи на националистические революционеров Болгарии, Македонии или Греции. Однако, в отличие от греческих или болгарских революционеров, у армян была демографическая проблема. В Греции большинство населения составляли греки. В Болгарии большинство составляли болгары. На землях, на которые претендовали армяне, армяне составляли незначительное меньшинство. Регион из шести областей, они называли «Османской Арменией»[23, с.19], хотя «шесть вилайетов» Сивас, Мамюрютюлазиза, Диярбакыра, Битлиса, Вана и Эрзурума, был заселен армянами только на 17%, а 78% населения же составляли мусульмане (в основном турки и частично курды). Это имело важные последствия для армянского военного мятежа, потому что единственным способом создать «Армению», к которой они стремились, было изгнание мусульман из мест их постоянного проживания.

Прежде чем спровацировать армян на восстание дашнакская партия решила взять церковь под свой контроль. Большинство духовенства не поддерживало атеистов-дашнаков. В этих условиях «покорение» армянского духовенства произошло путем применения насилия. Так, армянский епископ Вана Богос был убит мятежниками в своем соборе в канун Рождества, так как он был верным османским подданным. После убийства отца Арсена главой армянских школ стал дашнак Арам Манукян, человек без религиозных убеждений. Он закрыл религиозное образование и занялся революционным образованием. Так называемые «религиозные учителя» распространились по всей провинции Ван, проповедуя мятеж, а не религию [24].

Мятежники контрабандой вывозили оружие из России и заставляли армянских крестьян покупать его. Силой вынуждая жителей деревень покупать оружие они не только стремились создать свою военную организацию, но и наживались на этом, так как взимали с жителей деревень двойную плату за оружие. Так, винтовка стоимостью 5 фунтов стерлингов продавалась ими за 10 фунтов стерлингов. И их организация, и сами мятежники очень хорошо зарабатывали на продажах [24].

В Османской империи армянские мятежники действовали открыто, хранили тысячи единиц оружия, убивали турков и армян, губернаторов и других чиновников и восставали снова и снова. Единственной, кто действительно выиграл от их действий, была Россия – страна, в которой они организовались, страна, откуда родом были их лидеры. Российские политики сделали армян заложниками своей политики на Южном Кавказе [25, с.817].

В условиях войны османы вынуждены были либерально относиться к деятельности армянских радикальных групп, потому что у них не было выбора и на карту было поставлено само существование империи. Сербия, Босния, Румыния, Греция и Болгария уже были потеряны из-за европейского вмешательства и им было практически нечем усмирить мятежников. Европейцы потребовали, чтобы османы приняли требования мятежников, которые сами европейцы никогда бы не выполнили на своих территориях [24].

Следует отметить, что было два фактора, которые привели к поражению Османской империи на Востоке в Первой мировой войне. Первое – это поражение войск Энвер-паши в Сарыкамышском сражении. Из 95.000 турецких солдат 75.000 погибли. Вторым фактором

же было армянское восстание в тылу Турции, так как когда нависла угроза первой мировой войны и в Османской империи была объявлена военная мобилизация, многие армяне, которые должны были встать на защиту своей страны, вместо этого перешли на сторону врагов империи.

Однако армянские террористические организации придерживались противоположного мнения. В ноябре 1913 года на совместном заседании членов организации Дашнакцутюн и Гнчак в Стамбуле была принята резолюция о вооружении армян на территории Османской империи. Как только Россия объявила войну Османской империи, руководящий орган дашнакской организации заявил: «Армяне заняли сторону государств Антанты, не проявляя никаких колебаний; они предоставили все свои силы в распоряжение России и также формируют добровольческие батальоны [26, с.594].

С началом войны дашнакский комитет также приказал своим ячейкам «покинуть свои части с оружием, сформировать бандитские силы и объединиться с русскими» [27, с.570-571]. С таким же предательским призывом выступила партия Гнчак. И даже армянский представитель Вана в османском парламенте Папазян оказался одним из лидеров мятежа против правительства, опубликовав прокламацию, в которой говорилось: «Добровольческие армянские полки на Кавказе должны готовиться к бою, служить передовыми частями. чтобы российские армии помогли им захватить ключевые позиции в районах проживания армян и продвинуться в Анатолию, присоединившись к уже находящимся там армянским частям» [26, с.600].

Когда российские войска продвигались на османскую территорию в Восточной Анатолии, их возглавляли передовые отряды, состоящие из добровольцев-османов и русских армян, к которым присоединились армяне, дезертировавшие из Османской армии и перешедшие на сторону русских. Зверства, совершенные этими армянскими отрядами, были настолько жестокими, что сами российские командиры были вынуждены отозвать их с боевых фронтов и отправить на арьергардную службу.

В марте 1915 года русские войска начали продвижение к Вану. Сразу же после этого, 11 апреля 1915 года, армяне Вана подняли восстание, уничтожив всех турок в окрестностях, чтобы сделать возможным быстрое и легкое завоевание города русскими. Не удивительно, что 21 апреля 1915 года царь Николай II направил Ванскому армянскому повстанческому комитету телеграмму, поблагодарив его за заслуги перед Россией. Армянская газета «Гчнак», издающаяся в США, также с гордостью 24 мая 1915 года сообщила, что «в Ване осталось всего 1500 турок», а остальные были убиты.

Представитель дашнаков сообщил Армянскому национальному конгрессу, собравшемуся в Тифлисе в феврале 1915 года, что «Россия предоставила 242.000 рублей еще до начала войны, вооружив и подготовив османских армян к восстаниям», давая некоторое представление о том, как российско-армянский союз давно готовился, чтобы подорвать военные усилия Османской империи [26, с.604]. Когда русские наступали по широкому фронту на Востоке, армянские бандформирования сеяли смерть и разрушения, одновременно атакуя османские подразделения с тыла.

Вышеуказанные факты свидетельствуют, что переселение армян Восточной Анатолии было прямо спровацировано армянским вооруженным восстанием в тяжелых условиях первой мировой войны и стало для Осман-

ского правительства ударом в спину. Однако, несмотря на предусмотренные в правительственных инструкциях меры предосторожности относительно порядка переселения армян, в некоторых регионах империи не удалось предотвратить посягательства на жизнь и имущество переселенцев. И хотя эти преступления произошли в условиях войны и политического хаоса, министерством внутренних дел были возбуждены уголовные дела в отношении тех, кто грубо нарушил личные и имущественные права переселенных армян. Они были переданы военным трибуналам и сурово наказаны.

Наконец, следует подчеркнуть, что попытки квалификации переселения армян Восточной Анатолии в 1915 году как совершение преступного деяния, наказываемого Конвенцией о геноциде, принятой спустя 33 лет в 1948 году, противоречит фундаментальному темпоральному принципу уголовного права.

Таким образом, геноцид является одним из самых тяжких преступлений, известных человечеству, и его тяжесть выражается в наличии конкретного намерения уничтожить полностью или частично определенную группу людей. При геноциде для преступника потенциальная жертва выступает как объект посягательства не из-за своих индивидуальных качеств, а исключительно из-за принадлежности к соответствующей группе в аспекте того, что гибель отдельного члена группы (ближайшая цель) способствует уничтожению группы (конечная цель).

Наличие у субъекта данного преступления конкретного намерение можно определить на основе косвенных доказательств, включая действия и слова преступника, или из поведения других лиц. При отсутствии признания самого обвиняемого данное его намерение может быть установлено из контекста совершения им иных деяний, направленных против той же группы. Другими факторами для установления этого намерения могут быть: масштаб злодеяний; их общий характер; их совершение в определенном регионе или стране; факт преднамеренного и систематического преследования жертв из-за их принадлежности к определенной группе; наличие политической доктрины, которая привела к указанным деяниям; повторение разрушительных и дискриминационных деяний; совершение действий, которые нарушают саму основу существования группы и др. Однако, даже если само действие кажется преступным, если оно было чисто случайным или совершено без умысла причинения вреда или знания об обстоятельствах, то обвиняемый не может быть осужден за совершение геноцида. Другими словами, орган правосудия не вправе признать лицо виновным в совершении данного преступления, если только у него нет четко выраженного намерения. Любое из запрещенных Конвенцией о геноциде 1948 года деяний против члена защищенной группы совершается субъектом преступления с конкретным намерением уничтожить всю или значительную часть группы. Это конкретное намерение отражает содержание данного тяжкого преступления и подчеркивает условия наложения уголовной ответственности за него.

Список использованной литературы:

1. Кошкин Н.С. Уголовная ответственность за геноцид и иные массовые репрессии: Дис... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022, 266с.

2. Lisson D. Defining “national group” in the Genocide Convertion: a case study of Timor-Leste // Stanford Law Review, 2008, Volume 60, Issue 5, pp.1459-1496.

3. Kodeks karny. Czytaj więcej w Systemie Informacji Prawnej LEX, 26 marca 2025. Czytaj więcej w Systemie Informacji Prawnej LEX (in Polish) [Electronic resource]. URL:https://sip.lex.pl/akty-prawne/dzu-dziennik-ustaw/kodeks-karny-16798683/art-118

4. Уголовный Кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь от 15.10.1999 г., №76, 2/50 Ведамасці Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь.

5.Уголовный Кодекс Латвии. [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/18860

6.Уголовный Кодекс Грузии. [Электронный ресурс]. URL: https://www.refworld.org/ru/legal/legislation/natlegbod/1999/ru/103652

7. Кравченко А.И. Социология: Учебник. М.: Логос, 1999, 384с.

8. Китова Д.А., В.А. Соснин В.А. Трансформация больших социальных групп в современных условиях развития общества // Научные труды Московского гуманитарного университета, 2020, №5, с.46-53.

9. Кунашев А.А. «Социальная группа» как уголовно-правовой признак // Пробелы в российском законодательстве, 2011, № 4, с.282-285.

10. Габибова К.А. Отличительные черты преступления геноцида, совершенного против этнических групп, от подобных преступлений // Юридичний вісник, 2018, № 4, с. 54-63.

11. Остроух Е.С. Оккупационная политика нацистской Германии на территории СССР: геноцид и планы колонизации: материалы конференции / редкол.: А.А.Почебыт, И.Н.Янковский, С.Н.Андрукович и др. Минск : БНТУ, 2025, с. 76-79.

12. The Prosecutor v Akayesu, Judgment (ICTR-96-4-T), 2 September 1998.

13. Wilson R.A. When Humanity Sits in Judgment: Crimes Against Humanity and the Conundrum of Race and Ethnicity at the International Criminal Tribunal for Rwanda / In the Name of Humanity The Government of Threat and Care. L.: Duke University Press, 2010, 392p.

14. Дайнеко А.А. Проблема объекта геноцида / Современные тенденции развития права, государства и интеграционных образований: материалы междунар. науч. Конференции. Минск, 2–3 ноября 2018 г. / БГУ, Юридический фак.; редкол.: Т.А.Червякова (отв. ред.) и др. Минск: БГУ, 2019, с. 153-155.

15. Weber M. Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology, Vol. 1. N.Y.: Bedminster Press, 1968, 1469p.

16. Eriksen T.H. Ethnicity and Nationalism: Anthropological Perspectives. 3rd ed. L.: Pluto Press, 2010, 246p.

17. Этнопсихологический словарь. М.: МПСИ. В.Г.Крысько. 1999. [Электронный ресурс]. URL: https://ethnopsychology.academic.ru/228/%D0%BD%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%B3%D1%80%D1%83%D0%BF%D0%BF%D0%B0

18. Гранин Ю.Д. Этносы, национальное государство и формирование российской нации: Опыт философско-методологического исследования. М.: ИФ РАН, 2007, 167 с.

19. Weitz E. Genocide: Utopias of Race and Nation. Princeton: Princeton University Press, 2003, 360p.

20. Carrasco M.D.M., Fernandez J.A. In Re Pinochet // American Journal of International Law, 1999, 3 (93), p.690-696.

21. Большой юридический словарь / Под ред. А.Я.Сухарева. 3-е изд. М.: ИНФРА-М, 2007, 858с.

22. Письмо из Стамбула редактору газеты «Оризон». 01.02.1914. ЧАГ, ф. 153, л. 1, дело 3389, л.21.

23. Mustafa N. Uydurma erməni soyqırımım ideya müəllifləri və onların “aksioma” çevrilən kitabları haqqında / “Erməni soyqırımı” real tarix, yaxud tarixin yalanı” mövzusunda beynəlxalq elmi-praktiki konfransın materialları. Bakı, 2018, s.17-27.

24. Presentation by Prof. Justin McCarthy at the Turkish Grand National Assembly on “The Reality of Armenian Issue” Conference on March 24, 2005. [Electronic resource]. URL: https://www.mfa.gov.tr/presentation-by-prof_-justin-mccarthy-at-the-tgna-on-_the-reality-of-armenian-issue_-conference-on-march-24_-2005_.en.mfa

25. Guliyeva V. Ermənilərin Azərbaycan xalqına qarşı törət diyi mənəvi genosid / Ulusarası Türkçe Edebiyat Kültür Eğitim Dergisi, Cilt: 4 Sayı: 2, 2015, s.814-821.
26. Uras E. Tarihte Ermeniler ve Ermeni Meselesi. Istanbul: Belge Yayınları, 1976, 791s.
27. Hocaoglu M. Tarihte Ermeni Mezalimi ve Ermeniler. Istanbul: Anda Dağitim, 1976, 866s.

Səlimova Leyla Kamil qızı,
Bakı Dövlət Universitetinin Beynəlxalq hüquq
kafedrasının doktorantı,
hüquq üzrə fəlsəfə doktoru

1948-CI IL SOYQIRIM KONVENSIYASI ILƏ QORUNAN QRUPLARIN SIYAHISINA DAIR

XÜLASƏ

Məqalədə *ən əvvəl qeyd olunur ki,* elmi ədəbiyyatda 1948-ci il Soyqırım Konvensiyası ilə qorunan qrupların əhatə dairəsinin həm genişləndirilməsinin, həm də daraldılmasının *tə*rəfdarları *mö*vcuddur. Bu baxımdan müəllif 1948-ci il Soyqırım Cinayətinin Qarşısının Alınması və Cəzalandırılması haqqında Konvensiyanın müddəalarını, eləcə də bu məsələ ilə bağlı elmi yanaşmaları ətraflı araşdırır.

Daha sonra məqalədə 1948-ci il Soyqırım Konvensiyası ilə qorunan hər dörd qrup ətraflı araşdırılır. Konvensiya ilə qorunan qrupların dəqiq müəyyən edilməsi baxımından *müəllif* birinci d*ünya* m*üharibəsi zamanı Osmanlı ərazisindəki erməni hərbi-siyasi qruplarının təxribatçı fəaliyyətlərini araşdırır ki, bu da* birbaşa *Şərqi Anadoluda ermənilərin köçürülməsinə səbəb* olmuşdur. Qeyd olunur ki, düşmən qoşunlarının tərəfində olan erməni dəstələrinin Osmanlı hökumətinə qarşı silahlı hərəkətləri sırf siyasi xarakter daşıyırdı. Məqalədə vurğulanır ki, 1948-ci il Soyqırım Konvensiyasının II maddəsində göstərilən soyqırım cinayətinin ümumi tərifi illər ərzində öz doğruluğunu sübut etmişdir. Siyasi, sosial və digər qrupları da daxil etməklə qorunan qrupların siyahısını genişləndirmək cəhdlərinə baxmayaraq, beynəlxalq ictimaiyyət soyqırım tərifini qorumaqda möhkəm birlik nümayiş etdirib. Hətta 1998-ci il Roma Konfransı zamanı soyqırım cinayətinin tərifi dəyişikliklərə məruz qalmamışıdır.

Salimova Leyla Kamil,
PhD in Law, Lecturer, Department of International Public Law, Baku State University

REGARDING THE LIST OF GROUPS PROTECTED UNDER THE 1948 GENOCIDE CONVENTION

SUMMARY

The author of the article notes that scholars advocate both expanding and narrowing the scope of groups protected by the 1948 Genocide Convention. In this regard, the author examines in detail the provisions of the 1948 Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide, as well as scholarly positions on the issue.

The author also examines in detail all four groups protected by the 1948 Genocide Convention. In the context of precisely defining the groups protected by the Convention, the author examines the subversive activities of Armenian military-political groups during World War I on Ottoman territory, which led to the forced displacement of Armenians in Eastern Anatolia. It is noted that the armed actions of Armenian gangs on the side of enemy troops against the Ottoman government were strictly political in nature.

The author emphasizes that the general definition of the crime of genocide, as provided in Article II of the 1948 Genocide Convention, has proven its validity over the years. Despite attempts to expand the list of protected groups by including political, social, and other groups, the international community has demonstrated firm unity in maintaining the original definition of genocide unchanged. Clear evidence of this was the fact that even during the 1998 Rome Conference, the original definition of the crime of genocide was not revised.

Redaksiyaya daxilolma tarixi: 11.08. 2026
Təkrar işlənməyə göndərilmə tarixi: 19.08. 2026
Çapa qəbul olunma tarixi: 23.08.2026